

ИСТОРИЯ НАУКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Марченко К.К.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРЕКО-ВАРВАРСКИХ КОНТАКТОВ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ СКИФСКОЙ ЭПОХИ

Marchenko C.C. The basic aspects and the results of the studying of the Greek-Barbarian contacts and interactions in the Northern Black Sea region of the Scythian Age.

The article is devoted to the analysis by the home historiography of the problem of the Great Greek colonization and the Greek-Barbarian contacts in the Northern Black Sea region. In the studying of this the author distinguishes 4 basic periods the first of which embraces XIX — the 1st quarter of XX c.; the second — 20s-50s of the XX c.; the third — 50s-early 70s; the fourth — since 70s — to present. Defining the main ideas and approaches, that comprise the theoretic base of each period, the author did a great generalizing work. This allowed him to offer a very capacious and informative picture of the development of views of the home scientists to this problem. Summing up more than a century old researches, the author notes that, unfortunately, they have not been crowned till present with some complete and coordinated in time and space picture of the relations between Greeks and Barbarians of the Northern Black Sea region. In the author's opinion the cause of this should be considered a fatal imperfectiveness of the initial theoretical principles.

Хорошо известно, что без изучения истории контактов отдельных этносов друг с другом немислимо изучение истории их культур. Равным образом очевидно и обратное. Одно из наиболее ярких подтверждений наличия такой взаимообусловленности дает, по всей видимости, историография Великой греческой колонизации. В самом деле, нет ни малейших сомнений в том, что сравнительно немногочисленные эллинские общины, вынесенные на окраины античной ойкумены мощным социально-экономическим процессом, имманентно протекавшим в VIII-VI вв. до н.э. в самых глубинах древнегреческого общества южной части Балканского полуострова, островов Эгейского моря и западного побережья Малой Азии, не могли не вступать и вступали на протяжении всего тысячелетнего периода своего существования в разнообразные экономические, политические и культурные связи с варварским миром Средиземноморья и Причерноморья. Социальная структура, политическое и экономическое положение, культурный облик, более того — само существование таких общин во многом зависели от характера этих контактов.

Начиная с 60-х гг. XX в. в исторической науке наметился поворот к комплексному изучению основных проблем истории античного мира и его варварской периферии. Их стали рассматривать как тесно связанные между собой звенья единой системы взаимодействия этносов, находящихся на разных уровнях исторического

развития, и их культур. Такой подход, что само собой разумеется, потребовал объединения усилий историков античности, преимущественно исследователей экономической истории Древней Греции и Рима и археологов, изучающих так называемые «доисторические культуры» Евразии и Северной Африки.

Теперь стало ясно, что история эллинских колоний была, выражаясь словами Э.Лепоре, «пограничной историей», т.е. историей отношений и взаимодействий античной цивилизации с окружающим эти колонии туземным населением (Lepore 1968: 42). Именно в этом, основном своем значении ей, пожалуй, нет равных для изучения адаптационных механизмов, действовавших ранее и в том или ином виде продолжающих действовать и поныне в сфере межобщинных (национальных) отношений разноформационных человеческих коллективов.

Огромная работа, проделанная отечественными и зарубежными антиковедами, позволяет в настоящее время достаточно объективно оценивать общий характер, генеральную тенденцию и основные формы указанных отношений в рамках античного «пограничья», дает понимание той роли, которую они сыграли в культурном и социально-экономическом развитии населения Европы, Ближнего Востока и севера Африканского континента.

Вместе с тем к значительным достижениям антиковедения в целом нужно отнести и признавание исключительной сложности, многогранно-

ти и противоречивости самого процесса взаимодействия двух миров — эллинского и местного, варварского, находившихся зачастую на разных ступенях общественного развития и развивавшихся по своим собственным законам. Именно эта сложность, равно как недостаток и специфика историко-археологических источников, их эклектичность, объективно создавали ранее и до сих пор создают значительные трудности в разработке ряда кардинальных проблем «пограничной истории» отдельных частей античной ойкумены. Не является, к сожалению, исключением в этом смысле и Северное Причерноморье.

Впрочем, нельзя не видеть, что изменение представлений о характере греко-варварских контактов и взаимодействий вообще и для района Северного Причерноморья, в частности, оказалось изначально самым теснейшим образом связанным с трансформацией взглядов на причины, условия и характер самой греческой колонизации. В становлении торговой концепции, в борьбе идей о так называемом эмпоральном этапе развития колоний и временном торжестве аграрной модели, с переходом к признанию многофакторности колонизации («полиморфности при доминанте») и требованию конкретно-исторического подхода к исследованию возможных поводов и условий выведения отдельных эллинских апойкий создавались, конкурировали, видоизменялись и представления антиковедов об основных формах становления греко-варварских отношений в Северном Причерноморье. Конечно же, сама по себе проблема этих отношений фактически никогда не сводилась только к изучению отдельных сторон истории собственно греческой колонизации. Нет, разумеется, она, как правило, рассматривалась значительно шире и в той или иной степени охватывала сложнейшие вопросы этно-культурного, экономического, демографического и социально-политического устройства самого туземного населения колонизируемых районов. Однако совершенно очевидно и то, что существенная часть аспектов в изучении этой проблемы появилась, разрабатывалась и трансформировалась во времени именно благодаря изменению во времени научного восприятия самого феномена Великой греческой колонизации.

На своем пути это изучение прошло, по меньшей мере, четыре отдельных периода.

Первый период охватывает большую часть XIX и первую четверть XX столетий. Среди основных работ, наиболее полно характеризующих главные направления и результаты исследований этого периода в области греко-варварских взаимодействий, в первую очередь необходимо назвать труды К.Неймана (1855), В.Н.Юргевича (1872), Л.Бюрхнера (1885), А.С.Лаппо-Данилевского (1887), В.В.Латышева (1887), Э.Р.Штерна (1900), Е.Минза (1913), Б.В.Фармаковского (1914) и особенно М.И.Рос-

товцева (1912; 1913; 1918; 1925; 1993).¹ Следует заметить сразу, что, хотя научная значимость указанных работ в настоящее время выглядит весьма различно, практически всем им присуща примерно одинаковая трактовка причин, условий и характера греческой колонизации северных берегов Черного моря и, как следствие, практически одинаковая реконструкция основных черт греко-варварских отношений в этом регионе.

Одной из главных предпосылок отмеченного единообразия и к тому же по большей части крайней схематичности важнейших выводов являлось, несомненно, совершенно неудовлетворительное положение дел в области археологии раннего железного века: отсутствие сколько-нибудь репрезентативных материалов полевых исследований из античных апойкий и контактных зон греческой колонизации Северного Причерноморья. В этих условиях основной центр тяжести исследований объективно перемещался на анализ данных письменной традиции, что в свою очередь неизбежно вело к перенапряжению этого источника.

Важнейшие итоги разработок XIX — начала XX столетий оказались, впрочем, весьма интересными и, что весьма показательно, по большей части были восприняты и получили свое дальнейшее развитие в последующее время. Вкратце их содержание сводится к следующему.

Как показывает анализ литературы вопроса, единственной реальной движущей силой колонизации северных берегов Черного моря в представлениях подавляющего большинства антиковедов этого времени являлись торговые устремления греков. Роль остальных факторов, например, поиск плодородных земель, сырья и богатых рыбных угодий, при этом полностью не отрицалась, однако им отводилось явно второстепенное место. В целом превалировало понимание колонизации как двух-трехступенчатого процесса.

В соответствии с таким пониманием, исходным пунктом греко-варварских контактов счита-

¹ Существование целой серии обобщающих исследований, в пределах которых в свое время были практически исчерпывающе учтены и оценены весьма многочисленные конкретно-исторические разработки и замечания по проблеме греко-варварских отношений в Северном Причерноморье (см. например: Латышев 1887; Minns 1913; Ростовцев 1925; Иессен 1947; Каллистов 1949; Лапин 1966; Доманский 1965; Яйленко 1990; Виноградов 1989; Марченко 1988; Охотников 1990), избавляет меня от необходимости детального рассмотрения такого рода исследований. В силу этого в настоящем обзоре я буду преимущественно касаться лишь этапных работ, определявших ранее или определяющих ныне развитие или главные направления научного поиска. Современная зарубежная литература вопроса нашла свое почти полное отражение в монографиях В.И.Козловской (1984) и В.П.Яйленко (1990).

лись сначала эпизодические ознакомительные, а затем и относительно регулярные сезонные плавания эллинских купцов и рыбаков к берегам Северного Причерноморья без создания там постоянных поселений. Продолжительность такого рода контактов греческих торговцев с туземцами оценивалась как весьма значительная. Одновременно было констатировано, впрочем, что конкретные форма и характер этих контактов в целом остаются неизвестными.

По мере знакомства с местными природными условиями, характером туземцев, налаживанием дружеских отношений с ними и постепенного осознания выгод прямого товарообмена как со стороны греческих мореходов, так и варварами в пунктах, наиболее удобных для развития торговых отношений стали возникать постоянные греческие колонии или фактории. Одновременно считалось, что в ряде случаев эти фактории были инкорпорированы в структуру действующих туземных поселений, зачастую расположенных к тому же в исходных пунктах крупнейших торговых путей местных жителей. В силу этого население таких колоний-факторий в этнокультурном отношении представлялось по большей части смешанным, поскольку здесь поначалу вместе с греческими колонистами, якобы, проживало и довольно большое количество туземцев, в том числе и выходцев из различных частей обширной Скифии, привлеченных сюда главным образом выгодами непосредственной торговли. Далее следовало естественное предположение, согласно которому совместное проживание эллинов и варваров в этих пунктах вело их к культурному сближению и ассимиляции.

Последним, третьим, этапом колонизации оказывалось либо постепенное, растянутое во времени, преобразование наиболее удачно контактирующих с аборигенами факторий в большие торговые города, либо одноразовое выведение на территорию таких торговых поселений относительно крупных контингентов эпоиков с теми же последствиями.

Вместе с тем утвердилось мнение, что сама по себе торговая по преимуществу ориентация колонизационного потока на берега Северного Понта вела к развитию здесь в основном мирных отношений греков с туземным населением. Не без основания считалось, что главный интерес к торговле с эллинами проявляла местная племенная знать. Основа мирных отношений, таким образом, мыслилась как взаимная экономическая заинтересованность.

При превалировании мирных отношений на начальной фазе контактов допускалось все-таки существование различных вариантов занятия колонистами мест под заселение, а именно: в форме свободного, т.е. не отягощенного внешними факторами, выбора, либо на основании специального договора с местными правителями и даже выплатой им какой-то одноразовой ком-

пенсации или даже постоянного трибута. Попытки декларирования обширных военных конфликтов с туземцами при освоении новых колоний в целом не получили поддержки у исследователей или даже просто отвергались.

Существенным достижением антиковедов XIX — начала XX столетий стало довольно-таки подробное определение видов товаров, которыми, как полагали, греческие купцы обменивались с местным населением. Как было установлено, торговые поселения, а позднее и торговые города эллинов поставляли племенной знати разного рода утварь, вино, масло, оружие, ткани и предметы роскоши. Основными статьями вывоза греков из хинтерланда, по мнению исследователей, являлся хлеб, скот, рабы и т.д. Примечательно также и то, что особая роль в завязывании и распространении торговых контактов отводилась одному из основных греческих центров Северо-Западного Причерноморья — Ольвии, коммерческие интересы которой прослеживались далеко за пределами собственно Нижнего Побужья — в лесостепной зоне Украины вплоть до района Киева и даже в Приуралье. Активная роль в такого рода обменных операциях, впрочем, приписывалась прежде всего самим эллинам, но никак не скифам.

Едва ли не общим местом была убежденность исследователей в значительном воздействии более передовой греческой культуры на северопричерноморских варваров. Главным проводником этого воздействия мыслилась, разумеется, все усиливающаяся во времени торговля. Среди наиболее наглядных, разительных примеров такого воздействия указывалось не только на сильную эллиназацию части скифской верхушки и возникновение греко-варварской культуры на Боспоре, но и на образование греко-скифского или сильно грецизированного варварского населения в окрестностях эмпория Борисфенитов. Более того, тогда же было высказано еще одно очень важное суждение, согласно которому культурное и экономическое воздействие со стороны эллинов в какой-то степени затронуло и хозяйственный уклад туземцев, постепенно начавших переходить под их влиянием от кочевого к оседлому образу жизни и занятию земледелием.

Что же касается собственно греческих колоний Северного и особенно Северо-Западного Причерноморья, то они, хотя и приобрели в период своего расцвета (V-IV вв. до н.э.) типично эллинский облик, однако в той или иной степени постоянно находились под контролем туземных правителей. Их экономика, в значительной мере ориентированная на местный рынок, все более и более испытывала его облагораживающее воздействие, заставляя всемерно развивать свое собственное ремесло для производства разнообразных и подчас весьма дорогих изделий, учитывающих потребности и вполне специфические вкусы варваров, для продажи

их в хинтерланде. Таким образом, города в конечном счете оказывались не только простыми посредниками в торговле между метрополией и Скифией, но и сами под влиянием благоприятной конъюнктуры довольно быстро превращались в крупные центры производства.

Одним из важнейших достижений исследователей этого времени стало, наконец, и осознание дискретности характера отношений греков и варваров во времени, вылившееся в отдельные попытки создания общей периодизации контактов. Так, отмечалось, к примеру, что наибольшего развития торговые связи между эллиническими городами и варварским хинтерландом достигли только в V-IV вв. до н.э. Сопутствовавший этому развитию экономический и культурный расцвет городов правомерно ставился в зависимость от дружеских связей эллинов со скифами. С другой стороны, отмечалось и то, что в III-I вв. до н.э. торговый обмен греков с туземцами резко сократился. Более того, непременно подчеркивалось, что в это время наступила совершенно иная эра взаимодействий: из преимущественно мирных они стали главным образом враждебными. Именно такой поворот событий, по мнению антиковедов, являлся одной из основных причин экономического и культурного упадка северопонтийских колоний. Не без основания предполагалось далее, что часть из них — и прежде всего Ольвия — попала под власть скифских царей.

Таковы важнейшие черты картины греко-варварских взаимодействий в Северном Причерноморье второй половины VII-I вв. до н.э. в представлениях исследователей XIX — начала XX столетий.

Несмотря на очевидную статичность этой картины во времени, было бы все-таки ошибочным утверждать, что первый период изучения греко-варварских отношений оказался напрочь лишенным каких бы то ни было элементов развития. Выше уже отмечалось, что при всем сходстве основных воззрений большинства ученых научная значимость их работ, несомненно, весьма различна. Именно в этом смысле мы можем уверенно констатировать неуклонное расширение поля исследований, все более и более углубленную проработку источников и, как результат, появление новой положительной информации. Более того, первый период в историографии вопроса знал и настоящие прорывы в будущее. Достаточно вспомнить, к примеру, одну из наиболее блистательных разработок В.В.Латышева, которой утверждалась прямая зависимость от варваров экономического, а вместе с тем и культурного состояния крупнейшего эллинического центра Северного Причерноморья — Ольвии в III-II вв. до н.э. (Латышев 1887: 66 сл.), намного опередившую свою эпоху и оставшуюся непревзойденной до самых последних дней.

Впрочем, наиболее ярким свидетельством

прогресса в данной области знаний является сам факт создания М.И.Ростовцевым в конце первого периода сразу двух фундаментальных исследований, специально посвященных рассмотрению греко-варварских взаимодействий в Северном Причерноморье и отдельно на Боспоре (1918; 1925; 1993). Нет никаких сомнений в том, что именно эти работы стали самым большим достижением отечественного антиковедения XIX — начала XX столетий. Они как бы подвели итоги предшествующих исследований, вобрав в себя наиболее интересные мысли и наблюдения этого времени.

Одним из наиболее важных, отправных пунктов данных разработок стало, в частности, уверенное выделение сразу трех основных факторов развития культурной жизни Северного Понта античного времени: эллинического, так называемого «алародийско-иранского» и средне-европейского. При этом, по мнению М.И.Ростовцева, решающую роль в формировании исторического облика указанного региона должны были играть, прежде всего, греческая составляющая и пришедшие с Востока орды кочевников. Как бы то ни было, но именно М.И.Ростовцеву принадлежит плодотворная идея решительного отказа от господствовавшего ранее в науке подхода — рассматривать эллинизм и иранство в Северном Причерноморье изолированно или в чисто механическом соединении, и уж во всяком случае, вне связи с историей окружавшего их мира варваров (Ростовцев 1918: VI).

Поставив своей основной задачей восстановить эту естественно-историческую связь и хотя бы в первом приближении проследить сложнейший механизм взаимодействий всех трех вышепоименованных факторов, М.И.Ростовцев открыл перед своими последователями совершенно новые перспективы научного моделирования. В этом смысле появление названных работ являлось началом не только превращения изучения греко-варварских отношений во вполне самостоятельное направление исследований культурного развития населения раннего железного века юга Северного Причерноморья, но и отчетливого понимания необходимости такого изучения как единственной серьезной основы для надежной реконструкции истории этого региона.

К сожалению, приходится констатировать, однако, что значительные возможности, заложенные в самой концепции и в новом, синтетическом по своей сути, методе М.И.Ростовцева, были в дальнейшем реализованы лишь отчасти. Виною тому оказался последовавший вскоре после Октябрьской революции переход к прямой идеологизации и политизации науки. В данной связи нельзя не заметить, что отныне специфика греко-варварских контактов в Северном Причерноморье стала определяться исследователями не только на основании анализа историко-культурного своеобразия этой части

античного «пограничья», но и в силу особого, деформированного сознательным идеологическим нажимом, подхода к самой теме общественных отношений.

Одно из непосредственных проявлений этого нажима на первых порах вылилось в кардинальную трансформацию оценки культурной значимости выделенных М.И.Ростовцевым факторов исторического развития Северного Понта скифской эпохи: на главную роль в отечественной историографии впервые выдвигается местный -среднеевропейский, по терминологии ученого, — племенной мир варваров. Начался принципиально иной, второй по счету, период истории изучения греко-туземных отношений на территории Северного Причерноморья.

Второй период исследований в интересующей нас области классической археологии охватил отрезок времени от второй половины 20-х до начала 50-х гг. Среди отдельных работ этого периода наиболее значительную, подчас даже определяющую роль в формировании конкретных представлений на характер взаимодействий греческой и туземной культур в Северном Причерноморье призваны были сыграть труды Н.Я.Марра (см., например: 1925; 1926; 1933; 1934; 1935), М.Ф.Болтенко (1930), С.А.Жебелева (1933; 1953), С.И.Капошиной (1933; 1937; 1941; 1950 а, б), Т.Н.Книпович (1934; 1940 а, б), Г.Д.Белова (1938), Л.М.Славина (1938), О.А.Артамоновой (1940), Д.И.Нудельман (1946), А.А.Иессена (1947), Б.Н.Гракова (1947 а-в), В.Ф.Гайдукевича (1949), Д.П.Каллистова (1949; 1952), В.Д.Блаватского (1950 а, б), Д.Б.Шелова (1950), В.Ф.Гайдукевича и С.И.Капошиной (1951).

Как уже отмечалось выше, уже в самом начале второго периода последовала существенная переоценка роли отдельных факторов культурно-исторического развития населения Северного Причерноморья раннего железного века: на первом месте по своей значимости неожиданно оказалась местная составляющая. Нет никаких сомнений также, что указанная трансформация во взглядах подавляющей части археологов произошла под прямым воздействием идей, выдвинутых крупнейшим отечественным языковедом конца XIX — первой трети XX столетия Н.Я.Марром в рамках его так называемой яфетической теории, впоследствии переименованной им же в «новое учение о языке».

Одним из основных постулатов этого учения стало практически полное отрицание сколь-либо значительных влияний миграций на формирование исторического процесса. Отказ от миграций и связанных с ними культурных заимствований сопровождался постановкой новой задачи перед археологией: «... утверждать смену форм, эволюцию в результате часто революционных взрывов накопившихся сил, открывать законы таких смен мутационного порядка, перевоплощения, да и самого происхождения, с

поисками их не во внешних, а в развитии внутренних данных» (Марр 1933: 246). Таким образом, в науке утверждались принципы эволюционизма, автохтонности и даже отчасти этнической непрерывности.

Вторым, не менее важным положением «яфетидологии» был отказ и от «атавистических предрассудков» касательно превосходства какого то бы ни было народа над другим. Весь ход прогресса, а с ним развитие культуры, по мнению Н.Я.Марра, происходили «не от внешних явлений, а от внутренней работы накаплиющихся материальных сил в процессе их диалектического развития. Никаких изначально-расовых факторов творчества» (Марр 1933: 241). Тем самым вполне логичными оказывались и неоднократные решительные выступления ученого против «греческого чуда» и какой-то особой роли эллинов в формировании местной культуры Северного Причерноморья античной эпохи. Более того, была выражена одновременно и полная уверенность в том, что в доколониционный период в Причерноморье уже существовала своя большая историческая культура с городами, в число которых прежде всего входили Ольвия и Пантикапей. При этом наиболее активными строителями такого рода городов (торговых факторий и военных пунктов) объявлялись так называемые этрусско-киммеры, «известные мореходы-разбойники-купцы». Именно поэтому, констатировал Н.Я.Марр, «греки являлись на готовые места. Они не строили городов, переселяясь сюда для своих торговых дел, а устраивались в существующих городах» (1933: 242).

При всей кажущейся оригинальности этих исключительно важных утверждений «яфетидологии» нельзя не видеть того, что они в своей основе имеют явные и прямые связи с идеями историков предшествующего периода, равным образом убежденных в безусловно торговом характере греческой колонизации берегов Северного Понта и существовании местной подосновы у ряда первых поселений эллинов этого региона. В этом смысле нарисованная Н.Я.Марром картина являлась не более чем блеклой копией базовых сюжетов, созданных в более раннее время. Принципиально новым тут оказывалось иное — постулируемая непрерывность культурного развития местного населения, существование здесь большой городской культуры в канун греческого переселения, совершенно неожиданное истолкование самих создателей туземных городов в качестве неких западных яфетидов с Апеннинского полуострова и, как следствие, принижение значения воздействия греческой цивилизации на формирование культурного облика региона

Вполне логичные в рамках самой «яфетидологии», эти «элементы» новизны явно вступали в серьезное противоречие со всем ранее накопленным багажом исторических знаний

по проблеме греко-варварских контактов в Северном Причерноморье и, казалось бы, должны были встретить по меньшей мере весьма настороженное, если не сказать большего — отрицательное, отношение со стороны хотя бы части антиковедов и скифологов. Однако в действительности этого не произошло. Напротив. Как показывает анализ соответствующей литературы, практически все вышеозначенные представления Н.Я.Марра были вскоре и почти безоговорочно восприняты подавляющим большинством советских археологов.² Среди причин, способствовавших этому, поистине феноменальному успеху идеи «нового учения о языке» в истории, на первое место следует, по всей видимости, поставить нечто, лишь отдаленно связанное с естественным развитием науки как таковой. Все дело в том, что, пройдя довольно таки длительный путь развития, неприятия и структурных трансформаций, «яфетическая теория» с конца 20-х и вплоть до самого начала 50-х годов становится одним из официально признанных и полностью одобренных столпов материалистического учения об историческом процессе и превращается, по собственному признанию ее создателя, в своего рода «политическое учение», основанное якобы на марксистском методе научного познания законов развития человеческого общества (Марр 1933: 268, 274).

Совершенно очевидно, что данное обстоятельство, как впрочем, и завоеванный к тому времени огромный научно-политический авторитет самого Н.Я.Марра, создали поистине патовую ситуацию в археологии, при которой любое открытое нападение «снизу» на одну из базовых установок «яфетидологии» в конечном счете могло быть легко истолковано в качестве критики безраздельно господствовавшей в стране идеологии. Вполне понятно также, что в этих условиях дальнейшее изучение греко-варварских отношений в Северном Причерноморье до поры до времени должно было проходить главным образом в русле конкретизации основополагающих принципов «нового учения о языке». И именно такое развитие событий в археологии не заставило себя ждать.

Одной из важнейших сторон продиктованного «яфетической теорией» подхода к проблеме отныне становится поиск всевозможных свидетельств жизнедеятельности туземцев Северного Причерноморья в зонах, охваченных прямой греческой колонизацией. Уже в наиболее ранних работах второго периода на этом пути были достигнуты первые впечатляющие успехи. В материалах Березани, Ольвии, их округи и в Херсонесе впервые выделяются и в ряде случаев детально описываются целые серии свое-

образных погребальных комплексов, примитивные земляночные сооружения и так называемая лепная керамика, свидетельствующие, по мнению исследователей, о присутствии в составе жителей этих колоний и в их окрестностях весьма заметного контингента аборигенного населения; делаются предварительные попытки оценить удельный вес этого населения, его социальный и имущественный статус и, естественно, этническую принадлежность. Практически общим местом становится подтверждение выводов более раннего периода исследований, вполне согласующихся, впрочем, с вышеупомянутыми высказываниями Н.Я.Марра, — о безусловном торговом характере устремлений греков к северным берегам Черного моря и внедрении последних в уже давно существовавшие здесь поселения или даже города туземцев.

Одновременно с этими конкретно-историческими разработками материалов в среде археологов начинает укрепляться мнение и об активной роли варваров в их взаимодействиях с колонистами. Более того, тогда же была высказана твердая убежденность в том, что «и Боспор, и Херсонес, и Ольвия без тесных связей с туземным миром не могли бы существовать, поскольку они были зависимы от него в значительной степени во всех направлениях своей экономической жизни» (Жебелев 1953: 271). Как полагали при этом, относительно близкие уровни социально-экономического развития аборигенов и пришельцев будто бы вполне обеспечивали в местных условиях сращивание их общественных верхов, в результате чего в Северном Причерноморье античной эпохи и возникла своеобразная, ни на что не похожая греко-варварская культура.

Утверждение активной роли варварского компонента в формировании так называемой греко-скифской культуры Северного Понта и ее относительного своеобразия остается лейтмотивом историков и в послевоенное время. Однако при этом происходит явное расширение спектра разрабатываемых сюжетов. Помимо продолжения рассмотрения материалов некрополей, строительных комплексов и лепной керамики, результаты которого в основном лишь подтверждали сделанные ранее выводы об этнической неоднородности состава населения отдельных эллинских центров, внимание исследователей все больше начинают привлекать и вопросы более глубокого исторического звучания: характер взаимодействий греческих и местных культов в Северном Причерноморье, военно-политическая составляющая контактов, социальное положение различных групп варваров, втянутых в политическую и экономическую орбиты пришельцев, важнейшие результаты воздействия греческой культуры и экономики на верхний слой туземного общества и, наконец, периодизация истории региона, основанная на изменениях этнического состава населения эл-

² Исключение, разве что, составляет идея видеть в строителях догреческих городов на берегах Северного Понта непременно западных яфетидов (см. например: Капошина 1933: 386-387).

линских колоний и характера их культуры.

Среди очередных задач античной археологии на первое место в это время выдвигается требование «изучать те памятники прежде всего, где может быть вскрыт стык греческой колонизации и догреческой культуры местного населения» (Капошина 1946: 221). Следует заметить также, что постановка такой задачи неизбежно вела к необходимости рассмотрения всего комплекса вопросов, связанных с развитием самого туземного общества Северного Причерноморья и его контактов со Средиземноморьем.

Одним из наиболее интересных и, казалось, вполне обоснованных вариантов решения этой проблемы в целом стало исследование А.А.Иессена, предложившего, по существу, совершенно новый подход к изучению греко-варварских взаимодействий в регионе (Иессен 1947).

Основным отправным пунктом этого изучения, по убеждению ученого, отныне должно являться представление о феномене греческой колонизации Северного Причерноморья как выражении двустороннего по своему содержанию исторического процесса, поскольку она, якобы, «была обусловлена всем предшествующим развитием как самих греков, в первую очередь — ионийцев, так и местного населения наших степей» (Иессен 1947: 89). Следует подчеркнуть сразу же, что в концептуальном плане идея «двусторонности», в конечном счете, оказалась не более чем предельно расширенным вариантом уже давно существующей теории торговой колонизации. Методологической базой такого расширения, однако, на этот раз стали основополагающие принципы построения «нового учения о языке» Н.Я.Марра. В соответствии с ними, все археологически фиксируемые изменения местной культуры расценивались как результат поступательного, эволюционного по своей сути, процесса, приведшего в самый канун греческой колонизации к мутациям «революционного характера», выразившимся в переходе туземного населения степей от преимущественно оседлого образа жизни к номадизму.

Сложение «скифской стадии» в Северном Причерноморье, т.е. достижение аборигенами высшей ступени варварства, оказывалось, таким образом, закономерным этапом в историческом развитии местного населения. Именно с этого времени, по мнению А.А.Иессена, племенная знать начинает предъявлять спрос на предметы роскоши, и именно в это же самое время здесь закономерно появляются первые торговые фактории эллинов. Призванное подчеркнуть особую, безусловно активную, роль местного фактора в истории Северного Причерноморья, указанное заключение явно элиминировало из исторических расчетов сугубо имманентный по своей природе характер самого греческого колонизационного движения.

В еще большей мере ошибочными оказались на проверку и некоторые другие, впрочем, не

столь существенные выводы исследователя. В их числе в первую очередь следует назвать суждение о существовании в северо-западной части Причерноморья вплоть до VII в. до н.э. крупного очага местной металлообработки и представление о специфике раннего этапа торговых контактов туземной знати с греческими купцами, разменной «валютой» в которых, якобы, выступали захваченные в плен рабы.

В остальном же картина развития греческой колонизации в Северном Причерноморье, нарисованная А.А.Иессеном, мало чем отличалась от реконструкций, созданных в свое время исследователями первого периода. Нельзя не заметить, однако, что именно в этом, последнем, качестве ученый делал свое единственное, но достаточно серьезное отступление от директивной линии «яфетидологии», однозначно приписывая греческим апойкиям, а отнюдь не туземным племенам, определяющую роль в дальнейшем развитии всей культуры населения Северного Причерноморья.

Значительно более последовательную реализацию на историческом уровне представлений Н.Я.Марра содержат два других крупных монографических исследования этого времени, принадлежащих перу Д.П.Каллистова (1947; 1952). В них, пожалуй, впервые в историографии было поставлено под сомнение одно из, казалось бы, совершенно незыблемых достижений отечественного антиковедения — идея о возникновении в Северном Причерноморье особой синкретической греко-скифской культуры. Само появление такого сомнения не случайно. Оно явно базировалось на уже не раз упоминавшемся постулате «нового учения о языке» — об эволюционном характере развития автономного населения и социологизаторском по своей сути анализе общественных отношений в раннем железном веке.

Как бы то ни было, но практически одновременно с представлением о двусторонности колонизационного процесса в науке зарождается и постепенно крепнет тенденция рассматривать пришельцев из Эгеиды и аборигенов Северного Понта с позиции вульгаризированного классового подхода. В концептуальном плане взаимоотношения этих двух сил начали придавать вид все более и более решительной оппозиции.

Именно в силу этого антагонистического противопоставления греков и варваров Северное Причерноморье отныне предстало перед взором исследователей не только как место, «где пришли в соприкосновение два различных мира, две различные системы экономических и культурных взаимоотношений, две исторические силы, из которых каждая к моменту их встречи уже успела приобрести в достаточной мере определенные, явные и устойчивые очертания», но и как место, где в принципе «не произошло слияния двух разных культур и не возникла новая, третья, не похожая на две предшествую-

щие». Более того, тогда же было высказано суждение, что здесь «на протяжении почти всей античной эпохи наблюдается не слияние, а своеобразная борьба двух различных укладов, которая протекала с переменным успехом» (Каллистов 1952: 5, 80).

Завершающим и, заметим, вполне логичным следствием такого видения стало почти огульное отрицание самого факта существования сколь-либо широких исторических контактов между этими двумя, якобы, совершенно чуждыми по своей природе мирами. Впрочем, столь радикальная трансформация взглядов на греко-варварские отношения в регионе произошла далеко не сразу. На начальной фазе своего развития она, пожалуй, была расценена просто как чересчур упрощенная, и в силу этого —неприемлемая, попытка охарактеризовать многоликий процесс взаимоотношений местного населения и эллинических общин немногими словами (Блаватский 1950 а: 116; Ленцман 1952: 194-195).

Характеризуя исследования второго периода как протекавшие во время почти безраздельного господства в истории идей «нового учения о языке» и связанного с этим господством вполне специфического набора представлений о роли варваров в Северном Причерноморье, нельзя не заметить все-таки, что и в этих условиях в историографии нашлось место для более взвешенного и вполне независимого восприятия археологических материалов, обычно привлекаемых для иллюстрации того или иного положения этих представлений. В данной связи, в частности, будет вполне уместным напомнить одну из сравнительно ранних работ Б.Н.Гракова, в которой была выражена твердая убежденность в том, что используемые до сих пор памятники для доказательства самодовлеющего значения варварского компонента в составе населения некоторых городов явно недостаточны и однобоки, а их толкование подчас произвольно (Граков 1947 а: 84). Не затрагивая в общем и целом основ «яфетидологии» и их проявлений в области археологии раннего железного века, такое восприятие, тем не менее, ставило определенные ограничители на пути излишне прямолинейного применения ее метода и воззрений в области конкретно-исторических разработок.

Смертельный удар учению Н.Я.Марра был нанесен в начале 50-х годов, как известно, извне, на политико-идеологическом уровне. Равным образом известно, что тотальное разрушение теоретических основ «яфетидологии» привело к полному отказу от использования идей Н.Я.Марра в области исторических знаний и сопровождалось резкой критикой в адрес исследователей, создававших свои труды с позицией «нового учения о языке». Именно в этот переходный момент вынужденного, мучительного переосмысления учеными своих взглядов и ломки стереотипов произошло и полное отторже-

ние ставших теперь одиозными представлений о безусловно решающей роли местного населения в культуротворческом процессе. В археологии, казалось, впервые за многие годы появилась возможность вполне сбалансированного решения проблемы. Начался третий по счету период изучения греко-варварских контактов на территории Северного Причерноморья.

Есть веские аргументы полагать, что этот новый, третий по счету, период охватил время от начала 50-х до самого начала 70-х годов. В числе основных работ этого времени в первую очередь следует назвать труды Н.В.Шафранской (1951; 1956), В.Д.Блаватского (1953; 1954 а, б; 1955; 1959; 1964 а-в), А.И.Фурманской (1953; 1963), И.Т.Кругликовой (1954; 1959), Л.М.Славнина (1954; 1956; 1959), Б.Н.Гракова (1954; 1959), Ф.М.Штительман (1954; 1956), В.М.Скудной (1954; 1960; 1962), Т.Н.Книпович (1955; 1956), В.Ф.Гайдукевича (1955; 1959), Е.О.Прушевской (1955), Н.Н.Бондарь (1955), Я.В.Доманского (1955; 1961; 1965; 1970), С.И.Капошиной (1956 а, б; 1959), Д.Б.Шелова (1956; 1967), А.А.Белецкого (1957; 1958), Н.И.Сокольского и Д.Б.Шелова (1959), М.Ф.Болтенко, И.Д.Головко и Ф.М.Гудимовича (1959), Н.А.Пятышевой (1959), М.Ф.Болтенко (1960 а, б), Н.А.Онайко (1960; 1966; 1970), Ю.И.Козуб (1960; 1962), Н.И.Сокольского (1961 а, б), В.Л.Зуца (1965) и особенно В.В.Лапина (1963; 1966).

Одним из наиболее существенных отличий этого времени от предшествующего периода явилось то, что вскоре после разгрома марризма идеологическое давление на археологию заметно пошло на убыль. Разумеется, это вовсе не значит, что оно исчезло полностью. Нет, конечно. Однако степень контроля конкретно-исторических разработок в конечном счете существенно ослабла. Тем не менее приходится констатировать крайнюю медлительность науки в реализации открывающихся в связи с этим возможностей. Дело, пожалуй, следует объяснять тем, что продолжительное воздействие идеологического пресса и мощный всплеск шоковой «терапии» в годы низвержения «яфетической теории» создали устойчивое ощущение опасности и даже после ее коллапса долгое время сковывали сознание и творческие потенции части ученых. Именно поэтому, можно думать, подавляющее большинство исследований третьего периода может быть вполне определено отнесено к разряду чисто эмпирических разработок проблемы греко-варварских отношений.

Непосредственным результатом борьбы с теоретическими заблуждениями «нового учения о языке» стало, по всей видимости, в целом и более осторожное, если не сказать скептическое, отношение к интерпретационным возможностям археологических материалов, с одной стороны, и заметное сокращение объемов полевых исследований рядовых памятников кон-

тактных зон Северного Причерноморья (за исключением района Керченского полуострова, пожалуй), с другой. Вполне очевидно также, что в силу этого последнего обстоятельства ученые третьего периода по существу были вынуждены в своих разработках оперировать, за небольшими дополнениями, уже накопленным ранее багажом первичной информации.

Тем не менее следует признать, что и постепенное ослабление идеологического давления, и более углубленное изучение наличествующего банка данных, и, наконец, успехи антиковедения в целом — все это в конечном счете привело к серьезным, подчас даже радикальным, изменениям во взглядах исследователей как на движущие силы самой греческой колонизации, так, соответственно, и на облик взаимодействий эллинов и варваров в Северном Причерноморье.

Впрочем, на начальной фазе третьего периода большинство отечественных антиковедов продолжало оставаться приверженцами чисто торговой модели греческой колонизации этого региона. Более того, создается впечатление, что в 50-е годы происходит почти полная реанимация суждений на сей счет, более всего характерных для работ первого периода исследований. Как ранее, так и теперь, сам процесс освоения берегов Черного моря делится на три взаимосвязанных этапа, в числе которых особое значение придается второму — возникновению постоянных эмпориев. Почти в обычном стиле трактуются и основные линии развития взаимодействий греческих переселенцев с туземным населением. При этом, однако, на первых порах практически общим местом становится отрицание преобладающей, активной роли аборигенов в этих взаимодействиях. Речь теперь скорее идет о другом — не столько о возникновении в регионе сколь-либо обширной синкретической греко-варварской культуры, сколько о проникновении сильных культурных элементов в духовную сферу и материальный быт скифской аристократии и какой-то части сравнительно небольших местных общественных образований, проживавших главным образом в ближайших окрестностях греческих центров.

Основным, если не единственным, проводником такого проникновения по-прежнему мыслится торговая активность греков. Не случайно поэтому, что именно во время третьего периода ученые предпринимают новую серьезную попытку предметного рассмотрения всей совокупности свидетельств экономических связей колонистов с варварским хинтерландом.

Углубленный качественный, количественный и хронологический анализ материалов самих греческих центров и находок импорта в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья позволил тогда же значительно более рельефно, чем когда-либо раньше, оценить характер, реальные масштабы и пути торговых сношений Ольвии и Боспора со Скифией, дал возможность

примерно проследить динамику указанных отношений во времени и определил основную номенклатуру ввозимых и вывозимых товаров. Следует отметить, впрочем, что главные выводы такого рода анализа оказались в общем и целом весьма созвучными с уже отмеченными выше результатами исследований XIX — начала XX столетий. Однако, помимо подкрепления, уточнения и расширения прежних наблюдений, новые разработки имели и другое, более важное значение: они создали вполне фундированную базу для реконструкции достаточно взвешенной картины воздействия коммерческой деятельности эллинов на социальное и культурное развитие местного общества.

Было установлено, в частности, что торговля оказалась не в состоянии создать в Скифии новый способ производства. Она в лучшем случае способствовала ускорению имущественной дифференциации в среде отдельных варварских племен и стимулировала здесь развитие собственных производительных сил, подрывая тем самым устои первобытно-общинных отношений, что в конечном счете не могло не содействовать формированию в Северном Причерноморье первых государственных образований.

Более взвешенный подход к проблеме греко-варварских отношений наблюдается в это время и в плане оценки местного вклада в развитие греческих колоний региона. Как полагали, этот вклад в значительной мере был опосредованным. Через приводной ремень торговли с хинтерландом в ряде городов довольно быстро возникло и развилось собственное производство всевозможных предметов потребления, предназначенных для продажи во внутренние районы Скифии. При этом вполне допустимым считалось и довольно масштабное участие туземных металлургов и мастеров в непосредственном производстве на экспорт.

Вместе с тем, сам факт наличия автохтонного элемента в составе населения греческих городов начинает вполне справедливо рассматриваться в первую очередь как одно из следствий естественного стремления эллинских, раннеклассовых по своей структуре, общин колонистов использовать местные людские ресурсы для создания здесь слоя социально зависимого населения, призванного содействовать обогащению переселенцев. Впрочем, в среде самих туземцев апоийкий усматривается присутствие и какого-то числа полностью свободных и вполне зажиточных лиц, например, ремесленников, торговцев и даже отдельных представителей скифской знати. Однако основной контингент аборигенной прослойки в городах Северного Причерноморья начиная уже с позднеархаического времени состоял, по мнению большинства ученых, все-таки из рабов и зависимых. Интересно отметить, наконец, что попутно с таким представлением о социальном составе и вполне специфическом предназначении боль-

шей части туземного населения античных центров было высказано убеждение, что ее формированию в интересах эллинов могла содействовать местная племенная верхушка, стремившаяся к всемерному развитию своих экономических контактов с греками (Гайдукевич 1955: 25).

Вернемся, однако, снова к началу третьего периода исследований. Как уже отмечалось выше, большинство антиковедов этого времени продолжало оставаться истыми приверженцами идеи исключительно торговых устремлений греков на северные берега Черного моря. Вместе с тем тогда же в отечественной историографии появились и первые признаки надвигающегося кризиса этой концепции. На фоне критического переосмысления итогов работ 20-х — начала 50-х годов и более углубленного изучения фонда накопленных материалов и данных античной литературной традиции среди специалистов вскоре стали раздаваться отдельные голоса предостережения против чрезмерного преувеличения роли чисто коммерческих интересов эллинов как во всех случаях единственной движущей силы колонизации. Любопытно заметить также, что основанием для такого рода заявлений в первую очередь послужили наблюдения, проведенные в сфере археологических фактов Нижнего Побужья — общепринятого оплота торговой теории переселений. Более того, тогда же было высказано суждение, что северопонтийские города возникли прежде всего как центры производства и, в частности, «если Ольвия и поддерживала со Скифией оживленные торговые сношения, то все же по значению для ее экономики они не могли сравняться с ролью собственного производства» (Доманский 1955: 6). Впрочем, реальных данных для подтверждения этого тезиса было в то время все-таки явно недостаточно. Как бы там ни было, но начало принципиально новому для отечественной историографии подходу к восприятию непосредственных побудительных мотивов создания греками собственных апойкий на северных берегах Черного моря было положено.

Есть веские основания полагать, что уже со второй половины 50-х годов число сторонников главным образом коммерческой ориентации местных эллинских городов резко пошло на убыль. Отсутствие бесспорных материальных свидетельств в пользу существования эмпориев на территории Нижнего Побужья, прежде всего Ольвии, и Боспора, с одной стороны, и появление дополнительных данных о развитии здесь разного рода ремесел и особенно сельского хозяйства, с другой, способствовали возникновению нового информационного поля. Именно поэтому, надо думать, исследователи все чаще начинают обращать внимание на более сложный, нежели это казалось раньше, профессиональный состав населения отдельных северопонтийских колоний и соответственно — на более сложный характер их экономической базы.

Кульминационным моментом новой волны критики источников стало вполне оправданное предположение, согласно которому греческая колонизация Северного Причерноморья являлась по своей природе не только торговой и ремесленной, но и земледельческой, «причем в разных центрах первоначально преобладал тот или иной вид хозяйственной деятельности» (Соколовский, Шелов 1959: 51-52). Словом, уже для этого времени можно констатировать нарастание явных предпосылок к постепенному переходу от преимущественно торговой модели к совершенно новой и более адекватной теоретической концепции греческой колонизации — ее многофакторности или полиморфности при доминанте. Впрочем, до вполне реальной и окончательной трансформации взглядов большинства отечественных антиковедов в указанном направлении было еще достаточно далеко. В начальной фазе грядущих радикальных перемен на роль единственной нормы, объясняющей все основные черты эллинской миграции на северные берега Понта, стала претендовать так называемая аграрная теория колонизации.

Анализ существующей литературы вопроса показывает, что практически одновременно с изменениями во взглядах на причины появления греческих апойкий в регионе и в тесной взаимосвязи с этими изменениями происходит и заметная переоценка ценностей в сфере интерпретации контактов пришельцев с аборигенным населением. В данном отношении необходимо отметить постепенное усиление понимания исключительной сложности и внутренней противоречивости самого процесса взаимодействий античных государств с отдельными племенами Северного Причерноморья в различные периоды их истории. Важной составной частью такого рода переоценки становится, кстати, и осознание невозможности слишком уж прямолинейной и узкой этнической атрибуции большинства исторических материалов и фактов, происходящих из зон непосредственных и, вероятнее всего, наиболее продолжительных контактов различных культурных элементов.

Со все возрастающим упорством и последовательностью делаются попытки исключить под сомнение, а затем и полностью исключить из использования один за другим буквально все виды историко-археологических источников, обычно привлекаемых для освещения проблемы взаимодействий колонистов с туземным населением Понта, в том числе: погребальную обрядность, продукцию литейных и костерезных мастерских, строительные комплексы — так называемые землянки и полуземлянки и даже в значительной мере лепную керамику. Наконец, и сама идея преемственности местных культур до- и колонизационного периодов начинает вызывать все большее предубеждение, выливающееся зачастую в крайне негативное отношение к, казалось бы, раз и навсегда установлен-

ному факту наличия отчетливых следов догреческих поселений на территории античных апокрий. Иными словами, есть все основания полагать, что одновременно с изменениями во взглядах заметной части исследователей на причины появления эллинов в Северном Причерноморье в отечественной историографии постепенно зарождались условия для очередного решительного пересмотра всего комплекса вопросов, связанных с решением проблемы греко-варварских контактов в названном регионе.

Последний, решающий аргумент для создания новой концепции отношений был неожиданно получен извне — в сфере археологии позднебронзового века. В результате кардинальной передатировки блока памятников так называемого позднесрубного периода истории Северного Причерноморья — сабатиновского и белозерского этапов — в подавляющем большинстве районов степной зоны этого региона возник весьма обширный хронологический разрыв между местными земледельческо-скотоводческими культурами эпохи бронзы и временем создания здесь самых первых греческих поселений, совершенно не заполненный археологически фиксируемыми следами жизнедеятельности в виде стационарных поселений (Тереножкин 1965). Таким образом, как бы сами собой однозначно отрицательно решались сразу два важнейших вопроса историографии раннего железного века Северного Причерноморья: о преемственности туземной традиции до- и раннеколониационного периодов и наличии оседлого населения в степи в момент проникновения в прибрежные районы Понта наиболее ранней волны переселенцев из Средиземноморья. Тем самым под прямым ударом оказывалась и идея так называемой двусторонности колониационного процесса, причем в первую очередь как раз в своей наиболее значимой части — представлении о последовательном нарастании в регионе предпосылок переселения.

Заключительным этапом движения по пути полного переосмысления всего спектра взглядов на проблему контактов греков с аборигенами стало для этого времени монографическое исследование В.В.Лапина (1966). В нем впервые был аккумулирован и подвергнут последовательной ревизии буквально весь существовавший на тот день банк информации. Главным результатом этой обширной работы стало устойчивое и, как представляется до сих пор части антиковедов, полностью доказанное мнение, согласно которому для раннего периода колонизации северных берегов Черного моря варварский родоплеменный мир почти не улавливается и, следовательно, «связи с так называемым «местным населением» — это всего лишь область чистых гипотез, никак пока не подкрепленных конкретными данными» (Лапин 1966: 142).

Отправной точкой отсчета проведенной

В.В.Лапиным ревизии материалов являлось окончательное утверждение аграрной модели переселения как единственно возможной и методологически допустимой формы разработки всего комплекса вопросов культурного развития античных центров Северного Причерноморья, в том числе, разумеется, и их взаимоотношений с местными обитателями. В качестве необходимого подспорья такой разработки на теоретическом уровне интерпретации основного блока конкретно-исторических документов была использована к тому же уже упоминавшаяся ранее установка исследований Д.П.Каллистова, в соответствии с которой мир варваров и мир античной цивилизации изначально должны рассматриваться в качестве особых, обособленных сил, развивавшихся по своим собственным закономерностям и в силу этого способных на совершенно независимое друг от друга и вполне самостоятельное существование (Лапин 1966: 184-185). Данное положение, по мнению В.В.Лапина, хорошо объясняет надежно зафиксированное им, якобы, отсутствие сколь-либо видимых следов проникновения туземных элементов в культуру населения районов греческой колонизации Северного Понта. На проверку получалось, что такое проникновение оказывалось как бы даже противоестественным: в нем не было ни особой нужды, ни смысла.

Конечно же, тем самым В.В.Лапин ни в коем случае не отрицал сам факт существования в древности каких-то контактов между пришельцами и местными жителями, однако все проявления этих неизбежных взаимодействий он по существу был склонен сводить только к постепенному и неуклонному возрастанию коренной враждебности этих двух миров (Лапин 1966: 186).

Завершая, таким образом, краткую характеристику этого фундаментального исследования, следует подчеркнуть, что в целом отрицательное, по собственному замечанию его автора, решение вопроса о взаимоотношениях греков с местным родоплеменным миром было, по всей видимости, в значительной степени предопределено сразу двумя основными причинами: назревшим кризисом чисто торговой модели колонизации, уже не способной дать адекватное объяснение всему многообразию зафиксированных к тому времени, подчас весьма противоречивых фактов развития античной и туземной культур в Северном Причерноморье, с одной стороны, и явно неудовлетворительным положением дел в области самой археологии, где, за редким исключением, все еще продолжалось игнорирование изучения рядовых памятников сельской округи греческих городов и поселений варваров хинтерланда. Кроме того, в этой же связи следует обратить внимание и на отсутствие в распоряжении исследователя хотя бы более или менее достаточной серии вполне надежных аналитических разработок первоис-

точников. Система рассуждений, логичная сама по себе, была в значительной мере построена на общих, оторванных от археологических реалий заключениях. Совершенно очевидно, однако, что при решении вопросов этнокультурной атрибуции чисто археологических материалов одной логики мало. В основе любого сколь-либо серьезного построения такого рода, кроме логических, пусть даже вполне разумных, выкладок и допущений, должна находиться солидная внутренняя критика источника. Только на такой базе возможна, да и то далеко не всегда, историческая интерпретация. Именно такой работы В.В.Лапин, к сожалению, в ряде случаев и не проделал.

Впрочем, несмотря на первоначально сугубо отрицательную реакцию значительной части отечественных историков на исследование В.В.Лапина, следует заметить все же, что оно вскоре нашло и своих верных сторонников, окончательно поделив тем самым ученых как бы на два противоположных лагеря. В целом же указанное сочинение сыграло скорее положительную, нежели отрицательную роль в дальнейшем развитии знаний, наглядно продемонстрировав наличие ряда узких и весьма уязвимых для критики мест в историографии раннего железного века Северного Причерноморья, требующих своего скорейшего устранения. Оно стало своего рода катализатором нового подъема исследований в области классической археологии этого региона. Начался новый, четвертый, период в истории изучения греко-варварских взаимодействий в Северном Причерноморье скифской эпохи.

Хронологические рамки последнего, четвертого периода — от начала 70-х годов до наших дней. Среди весьма многочисленных и весьма разнообразных исследований этого времени отметим работы Т.М.Арсеньевой (1970), В.В.Лапина (1975; 1978), И.Т.Кругликовой (1975), А.С.Островерхова (1978; 1980; 1981), Я.В.Доманского (1979; 1981; 1985), А.С.Русяевой и М.В.Скржинской (1979), Н.А.Лейпунской (1979; 1981), Ю.Г.Виноградова (1980; 1981; 1983; 1989), Е.С.Голубцовой, Г.А.Кошеленко (1980), Е.Г.Кастанаян (1981), А.А.Масленникова (1981; 1998), Л.В.Копейкиной (1981), В.М.Отрешко (1981; 1990); М.Ю.Вахтиной (1984), В.П.Толстикова (1984), С.Б.Охотникова (1984; 1987; 1990), Э.В.Яковенко (1985), Ф.В.Шелова-Коведяева (1985), С.Д.Крыжицкого, В.М.Отрешко (1986), Марченко (1988; 1991), С.Д.Крыжицкого, С.Б.Буйских, А.В.Буракова, В.М.Отрешко (1989), С.Л.Соловьева (1989; 1995 а, б), Ю.А.Виноградова (1990), Ю.А.Виноградова, К.К.Марченко (1991), И.В.Брюка (1993 а, б) и, пожалуй, С.А.Андрух (1995).

Судя по их содержанию, важнейшим направлением творческих устремлений большинства ученых отныне становится поиск преодоления отмеченных выше разногласий в сфере создания исторически сбалансированной концепции

греческой колонизации и моделирования картины отношений античных центров с аборигенным населением Северного Понта. Наиболее значительные усилия при этом, как было очевидно, предстояло приложить прежде всего на уровне критического переосмысления всей совокупности накопленных историко-археологических документов. Только новый виток серьезной ревизии первоисточников мог, по всей видимости, позволить хотя бы частично устранить самые одиозные противоречия в историографии. Необходимо отметить также, что непосредственная реализация этой задачи на практике первоначально вылилась, главным образом, в новую попытку улучшить аргументацию уже ранее определившихся на сей счет позиций и представлений. В этом смысле четвертый период может расцениваться в качестве прямого и вполне логичного продолжения предшествующего времени.

Впрочем, конкретные исследования развернулись сразу в двух взаимосвязанных плоскостях: более углубленного системного анализа уже имеющихся фактов и сбора дополнительной информации. Особое внимание в последнем случае было вновь обращено на необходимость всемерного расширения изучения материальной культуры рядовых памятников сельскохозяйственной округи греческих апоекий региона, и прежде всего его северо-западной части. Следует подчеркнуть также, что эта работа вскоре приобрела здесь впервые характер систематических и широкомасштабных исследований. Конечным результатом такого развития дел стало постепенное выдвигание археологических материалов на первое место при изучении вопросов взаимодействий эллинского и туземного миров в Причерноморье. Тем самым у антиковедов впервые появилась реальная возможность вполне сбалансированного подхода к моделированию греко-варварских отношений на основе действительно комплексного использования всей совокупности исторических документов и наблюдений.

Вернемся, однако, непосредственно к самим исследованиям четвертого периода. Как уже упоминалось выше, разработки этого времени продолжают вестись сразу в двух основных направлениях, а именно: в плане дальнейшей адаптации к новым археологическим фактам идеи противоположности двух миров — эллинского и туземного, отрицающей в принципе сколь-либо значительное влияние варваров на формирование истории и этнокультурного облика населения зон непосредственного проживания греков и, во-вторых, по линии совершенствования аргументации в пользу наличия самых разнообразных, подчас даже определяющих основные стороны экономического и политического развития отдельных апоекий, взаимодействий греков и варваров уже на самых ранних стадиях колонизации северных берегов Пон-

та. Вполне очевидно также, что сама разработка названных направлений проходит в рамках дальнейшей трансформации взглядов исследователей на непосредственные причины, характер и условия осуществления колонизационного движения в Северном Причерноморье. При этом первое из них традиционно остается тесно связанным прежде всего с развитием аграрной концепцией переселений, а второе — с так называемой многофакторной или полиморфной при доминанте.

В числе наиболее ярких, своего рода установочных работ сторонников аграрной концепции следует в первую очередь назвать труды В.В.Лапина (1975; 1978), творческой энергии которого историография обязана очередной попыткой создания принципиально нового подхода к восприятию исторического процесса в Северном Причерноморье античной эпохи. Само собой разумеется, что в целом эта попытка, если иметь в виду саму идею исключительно аграрной направленности колонизации, оказалась вполне созвучной взглядам, высказанным этим ученым ранее. Однако в ее облике на сей раз появились весьма существенные «усовершенствования», обусловленные необходимостью усилить аргументацию в пользу законмерности присутствия в материальной культуре северопонтийских поселений греков целой серии относительно примитивных, «реликтовых», черт, например: лепной керамики, землянок и т.п., т.е. всего того, что постоянно вызывало у части исследователей большие сомнения в принадлежности собственно античной цивилизации.

В стремлении парировать критические замечания в адрес своей работы 1966 года В.В.Лапин, опираясь на собственное толкование соответствующих фактов археологии Нижнего Побужья архаического времени, предложил оригинальное, но, по-видимому, неоправданно смелое решение этого явно наиболее уязвимого с точки зрения оппонентов вопроса. По его мнению, такие «реликтовые» черты ни в коей мере не могут быть связаны с туземным населением Понта, поскольку они, якобы, органически присущи некой особой, но, к сожалению, до сих пор все еще не выделенной этнографической общности Средиземноморья, характеризующейся своей относительной изолированностью, оторванностью от эпицентра греческой культуры.

Согласно скорректированным таким образом воззрениям, Северное Причерноморье раннего железного века представало перед мысленным взором этого разработчика и его сторонников в качестве объекта массовой, преимущественно стихийной, т.е. нерегламентированной, миграции социально и культурно однородной группы прото- и раннегреческих крестьян из каких-то периферийных областей античной ойкумены. Именно этой группой крестьян, в конечном счете, и были созданы все мало-мальски

известные по археологическим данным поселения в прибрежных районах этого региона (Лапин 1975: 100; 1978: 366). Отсутствие же следов оседлости аборигенов в степной зоне в канун переселения туда «беднейших трудовых слоев Греции» и сама масштабность такого переселения не оставляли в рамках данной картины места для сколько-нибудь заметного участия варваров в сложении культуры античных центров Северного Причерноморья. Тем самым большинство вопросов взаимодействия колонистов с туземным миром в этом отрезке «пограничья» как бы естественным образом перемещалось в плоскость хотя и чрезвычайно острой, но по сути своей в общем схоластической полемики.

Последующее совершенствование этой картины, продолженное сторонниками аграрной по преимуществу модели колонизации, в принципе мало что изменило в ее облике. Налицо лишь заметная модификация ее отдельных разделов в соответствии с требованиями новейших археологических открытий, в частности, «стихийности» характера застройки ранней Ольвии и рядовых поселений позднеархаического времени Нижнего Побужья. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что в настоящее время приверженцы указанной или же близкой ей точки зрения все же вполне допускают существование и другой, по их мнению, скорее всего второстепенной по своим масштабам, формы колонизации региона, а именно: организованной и целенаправленной. Более того, большинство из них ныне вынуждено признать и наличие некоторого, правда, в целом явно весьма скромного и к тому же главным образом пассивного или даже опосредованного влияния варварско-хинтерланда на культурную, хозяйственную и демографическую стороны развития ранних греческих общественно-политических образований (см. например: Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан 1980: 6; Крижицкий, Буйских 1988: 7). Однако, как представляется, такое признание само по себе вряд ли может быть расценено в качестве кардинальной трансформации взглядов этих ученых на саму проблему греко-варварских отношений. Оно в лучшем случае свидетельствует о заметной подвижке в сторону контакта с разработками своих «идейных противников». Именно в силу данного положения дел, надо думать, в их исследованиях регулярно проявляется неодолимое стремление объяснять буквально все наиболее значительные изменения в ранней истории населения колонизованных районов прежде всего за счет внутризкономических, демографических или политических трансформаций собственно эллинических гражданских коллективов, практически полностью отрицая при этом возможность воздействия на такого рода события со стороны туземного мира региона.

Принципиально иные, более конструктив-

ные, хотя равным образом во многих случаях далеко не бесспорные результаты исследований проблемы греко-варварских взаимодействий в Северном Причерноморье получены ныне сторонниками многофакторной модели колонизации. Сразу же заметим, что разброс мнений в этом лагере ученых на поверку оказывается, пожалуй, на порядок больше, нежели в среде адептов аграрной теории. И это вполне понятно даже в первом приближении, поскольку сам-то переход к вышеозначенной концепции переселений на сей раз не повлек за собой огульного отрицания результатов предшествовавших ей разработок. Отбросив лишь их притязания на исключительное право объяснять все возможные формы выведения апойкий и отношений с туземцами, новая концепция естественно включила в себя и торговый, и аграрный стимулы колонизации в качестве действительно необходимых и наиболее существенных, но все же отнюдь не единственных элементов своей структуры (см. например: Доманский 1972: 41; Блаватский, Кошеленко, Кругликова 1979; Брашинский, Щеглов 1979). Вполне закономерно также, что в соответствии с таким развитием теоретической мысли в составе приверженцев многофакторной модели оказались специалисты, исповедующие довольно широкий спектр взглядов на греко-варварские контакты и взаимодействия.

Впрочем, сам по себе процесс перехода к более сложному, неоднозначному восприятию характера переселений, окончательно завершившийся в отечественном антиковедении лишь ко второй половине 70-х годов, безусловно, создал дополнительные мотивы для разработки всего комплекса вопросов отношений колонистов с окружающим их миром абorigенов. Весьма примечательно также, что необходимость проведения дополнительных работ в этом направлении была продиктована на сей раз, прежде всего, одним из методологических требований самой многофакторной теории, согласно которому для вполне адекватного понимания конкретных целей выведения и изначального характера той или иной апойки предварительно необходимо углубленное изучение исторической, демографической и палеогеографической ситуации в каждом отдельно взятом районе переселения.

Одним из главных аспектов исследований при этом становится опять-таки определение форм экономических контактов самых первых греческих колонистов с туземным миром Северного Причерноморья. В стремлении найти адекватное решение указанного вопроса антиковеды вновь и вновь обращаются к рассмотрению всего комплекса археологических материалов, так или иначе характеризующих хозяйственную сторону жизнедеятельности наиболее ранних поселений этого региона. В результате всесторонней ревизии фактов в научной среде доволь-

но быстро распространяется убеждение в отсутствии на сегодняшний день надежных доказательств существования регулярной доколониционной торговли. По мнению ряда специалистов, речь в данном случае может идти скорее лишь о предколониционных плаваниях греков в Черном море с ознакомительными или полуторговыми-полупиратскими целями. Одновременно с этим в историографии с повестки дня, по существу, снимается и вопрос о функционировании здесь, в регионе, целой серии факторий, предшествовавших, якобы, возникновению собственно греческих колоний. Вполне закономерным следствием такого видения исторического процесса явилось, наконец, и полное отрицание самой идеи сложения какой-то особой, т.е. специфической в этом отношении, предколониционной ситуации в Северном Причерноморье (Доманский 1982: 38).

Вместе с тем, отказ от признания права на существование регулярной доколониционной торговли и обязательности наличия эмпориального этапа в развитии колонизационного движения сам по себе отнюдь не привел сторонников многофакторной концепции к полному смыканию на сей счет с «аграриями». По сути дела, он лишь совершенно по-новому и в видимом соответствии с накопленными историческими фактами расставлял акценты в восприятии динамики торговой активности первых колонистов. Более того, в конструируемой таким образом картине развития экономики наиболее ранних поселений эллинов оказалось достаточно места не только для констатации насущной заинтересованности пришельцев из Эгеиды во всемерном расширении коммерческих связей с варварами хинтерланда, но и для допущения возможности функционирования в архаический период на северных берегах Черного моря отдельных торговых факторий (Доманский 1979: 84-85).

Впрочем, что касается факторий, то следует признать, что мнения исследователей в последнем случае все-таки явно разделились. И если одни из них до сих пор продолжают отстаивать историческую реальность существования северопонтийских эмпориев, упорно причисляя к данной категории прежде всего греческое поселение на острове Березань (см. например: Яйленко 1983: 140, 147; Соловьев 1989: 15-16), то другие столь же настойчиво возражают против этого (Виноградов 1989: 62, 67).

Тем не менее нетрудно заметить, что отмеченное выше несовпадение взглядов на природу и политико-правовой статус наиболее ранних греческих поселений этого региона, по существу, ничего не меняет в уже давно устоявшемся представлении о базовой функции самой Березани. Как ранее, так и теперь этот своеобразный памятник Нижнего Побужья в глазах целого ряда специалистов предстает в качестве торговой по преимуществу колонии эллинов. В полном соответствии с таким представлением

среди причин колонизации хотя бы и отдельных районов Северного Причерноморья предпочтение отдается прежде всего «доминанте торговых интересов» ионийцев (Виноградов 1989: 55).

Как бы то ни было, но именно коммерческие устремления первых переселенцев, обусловленные, по мнению целого ряда ученых, главным образом поисками надежных источников сырья и сельскохозяйственных продуктов для метрополии и собственных нужд, стали в конечном счете в этой части «пограничья» основной движущей силой установления непосредственных и по возможности мирных контактов эллинов с туземными племенами Причерноморья буквально с момента появления здесь самой ранней постоянной колонии на острове Березань (ср.: Карышковский, Клейман 1985: 37-38). Они же, как полагают, в значительной мере и подпитывали эти контакты в дальнейшем, способствуя их всемерному расширению во времени и пространстве. При этом главным источником начальной иррадиации экономического воздействия на местные общественные образования хинтерланда продолжают считаться античные центры Нижнего Побужья; другим районам эллинской колонизации Северного Понта в этом смысле придается гораздо меньшее значение.

Внемся, однако, снова к краткому обзору изменений, происшедших во взглядах хотя бы и части исследователей четвертого периода относительно самого облика греко-варварских экономических отношений. В их числе в первую очередь нужно назвать, пожалуй, иное, нежели прежде, представление о характере ранних торговых связей колонистов с кочевниками, поскольку, как полагают ныне, эти связи были, скорее всего, завязаны не греками, а номадами и служили для эллинов одним из действенных способов обеспечения собственной безопасности (Вахтина 1984: 16). Весьма интересной в этом же плане, хотя, по-видимому, также далеко не бесспорной, является и попытка поставить под сомнение самую возможность вывоза греческими купцами из большинства районов обитания местного земледельческого населения сколь-либо значительных для реэкспорта в метрополию объемов товарного хлеба (Щеглов 1990). Столь же двойственное впечатление вызывает, наконец, новая классификация «торговых центров» Побужья и связанная с ней необычно дробная периодизация греко-скифских экономических контактов в Поднепровье VII-II вв. до н.э. (Островерхов 1980).

Вторым из основных аспектов исследований четвертого периода на пути создания исторически полноценной модели греко-варварских взаимодействий в Северном Причерноморье стала разработка вопросов этнической и социальной атрибуции конкретных проявлений так называемых реликтовых — по образному выражению В.В.Лапина — черт культуры в зонах непосред-

ственной колонизации этой территории. Важнейшим итогом разработок в этой сфере явилось подтверждение самого факта присутствия среди населения таких зон буквально с момента появления там первых переселенцев и какого-то контингента туземцев, в составе которого к тому же было впервые отмечено наличие выходцев из самых различных частей Причерноморья. Дополнительные исследования по выяснению динамики численности разноэтничных туземцев во времени в предварительном плане установили заметные причинно-следственные связи ее изменений с наиболее существенными сторонами экономической, военно-политической и демографической истории как самих эллинских центров отдельных районов, так и обитателей Северного Причерноморья в целом.

Следует заметить сразу, что указанные выводы и наблюдения, сделанные прежде всего на основании анализа лепной керамики, обнаруженной в культурных слоях и комплексах античных памятников Северо-Западного Понта и получившие ныне самое широкое признание антиковедов, в том числе отчасти и среди сторонников аграрной модели колонизации, были еще раз подкреплены независимыми данными антропномимического фонда самого крупного эллинского центра этого района — города Ольвии. Более того, изучение эпиграфических документов и свидетельств древних авторов позволило тогда же констатировать и весьма сложный социально-имущественный состав варварского компонента населения Нижнего Побужья, значительная часть которого, по всей видимости, уже в V в. до н.э. испытала на себе «сильное влияние процесса эллинизации» (Виноградов 1981 б: 135).

Что же касается причин, обусловивших появление разноэтничных варваров среди постоянных жителей не только сельских, но и городских поселений греков Северного Причерноморья, то на сей счет у исследователей в настоящее время существует довольно заметный разброс мнений. Впрочем, почти все они в первом приближении могут быть сведены к признанию экономической заинтересованности туземцев — кочевников и земледельцев — в установлении самых тесных контактов с колонистами, с одной стороны, и потребностью самих греческих общин в дополнительных трудовых ресурсах, с другой. Именно это последнее обстоятельство заставляло города-колонии вскоре после своего появления втягивать «в свою среду и сферу действия туземное население разной этнической принадлежности» (Мелюкова 1979: 181).

В числе конкретных факторов, способствовавших формированию указанного контингента аборигенов в контролируемых эллинами зонах колонизации, обычно называют несколько, а именно: более высокий, сравнительно с туземным, уровень жизни в греческих центрах, привлекавший местные элементы, продажу кочев-

никами Северного Причерноморья своих пленников переселенцам с последующим превращением проданных в частных рабов, прямой захват рабов из числа местных жителей самими эллинами, оседание части кочевников в результате пауперизации и, наконец, взаимные браки первой волны колонистов, состоявшей преимущественно из молодых неженатых людей, с туземными женщинами. Как полагает далее значительная часть исследователей, в результате действия всех вышеперечисленных сил и интересов здесь, на территории Боспора, в Нижнем Побужье и Поднестровье во всяком случае, уже в VI-V вв. до н.э. возник слой социально зависимого от греков, гетерогенного по своему происхождению варварского населения, сознательно включенного эллинами в процесс сельскохозяйственного производства для удовлетворения насущных потребностей гражданских коллективов в продукции земледелия и скотоводства. Заметим также, что аналогичной точки зрения в настоящее время придерживаются, по всей видимости, и сторонники аграрной теории колонизации.

Вместе с тем, как показывает анализ соответствующей литературы, большинство специалистов, причем безотносительно к их приверженности к той или иной концепции переселений, считает ныне, что величина удельного веса слоя туземцев в общем балансе населения районов, охваченных колонизацией, была все-таки сравнительно небольшой и уж во всяком случае значительно уступала эллинскому компоненту, поскольку-де практически все многочисленные аграрные поселения этих районов были основаны самими греками, и подавляющее число проявлений материальной и духовной культуры жителей этих поселений носит явно греческую окраску. Едва ли не единственная предметная попытка показать гораздо более существенную роль аборигенов в развитии демографической и культурной ситуации в таких районах с момента появления там первых колонистов, основанная на новой разработке обширных материалов строительных комплексов Нижнего Побужья, Березани прежде всего (Соловьев 1990), не получила положительной оценки у антиковедов.

Третьим из важнейших аспектов исследований четвертого периода стало изучение политической сферы отношений северо-западной части Понта с варварским миром Причерноморья. Несмотря на относительную новизну или, лучше сказать, вопиющую неразработанность большинства узловых вопросов этнополитической истории этой части региона, именно здесь, в этой области знаний, ныне может быть зафиксирован весьма заметный прогресс в получении дополнительной информации по проблеме контактов и взаимодействий. Более того, по сути, речь в данном случае должна идти скорее о своего рода качественном скачке в историо-

графии. При этом нельзя не заметить, что основная заслуга в подготовке, да и реализации этого скачка на практике по праву принадлежит Ю.Г.Виноградову, проделавшему поистине впечатляющую работу по изучению наиболее запутанных страниц политической истории греко-варварских отношений в Северном и специальном Северо-Западном Причерноморье интересующего нас времени (Vinogradov 1997). Одним из основных результатов этой исключительно плодотворной и целенаправленной работы к тому же стало создание исследователем необычайно широкой, но главное — целостной картины политических столкновений одного из крупнейших греческих государств региона — Ольвии с туземным миром Причерноморья, характер отношений с которым, по его мнению, «и определял на протяжении веков судьбы как самого полиса, так в значительной степени и его окружения» (Виноградов 1989: 273).

Здесь не время и не место подвергать эту картину столкновений детальному рассмотрению. В настоящий момент в ее облике следует выделить, пожалуй, лишь главный для понимания существа проделанной работы сюжет — состояние зависимости греческих колоний северо-западной части Понта, Ольвии прежде всего, от наиболее мощных в военном отношении общественно-политических объединений туземных жителей Причерноморья.

Сама мысль о существовании каких-то форм политического контроля или состояния господства со стороны туземных правителей хотя бы и над частью эллинских апойкий региона была, как это уже отмечалось выше, высказана еще антиковедами первого периода исследований и неоднократно повторялась впоследствии. Однако на сей раз усилиями Ю.Г.Виноградова она получила совершенно новое звучание, постепенно трансформировавшись в целую систему взаимосвязанных и, как правило, хорошо аргументированных взглядов и представлений о самом механизме зарождения, функционирования и содержании такого рода состояний.

Центральным структурообразующим элементом указанной картины при этом является, по всей видимости, идея «варварского протектората», наиболее точно отражающая, по убеждению ее автора, историческую суть совершенно особого, специфического и вместе с тем вполне универсального для всего Северо-Западного района Причерноморья типа отношений подчинения греческих городов. В сформулированном Ю.Г.Виноградовым виде данный тип отношений предстает ныне как «установление определенных форм зависимости греческих полисов от того или иного варварского политического образования без интегрирования их в структуру последнего, выразившихся в контроле варваров в лице верховного правителя или его наместников и ставленников над экономической сферой жизни полисов и во внеэкономичес-

кой эксплуатации различных видов; взамен этого — определенные, в той или иной мере соблюдавшиеся гарантии варварских протекторов по обороне полисов» (Виноградов 1989: 274).

Скруплезно проанализировав практически всю совокупность историко-эпиграфических материалов под определенным углом зрения, этот ученый в конечном счете впервые в историографии указанного района Причерноморья вполне уверенно выделил сразу три последовательно сменявших друг друга во времени периода «варварского протектората» над эллинами, а именно: фактически весь V в. до н.э., теснейшим образом связанный с активной военно-политической и экономической деятельностью таких «царей» кочевых скифов, как Ариапиф, Скил и Октамасад; затем — вторую половину III — начало II вв. до н.э. — время зависимости Ольвии от регулярно покупаемого ею с помощью дорогих «подарков» покровительства Сайтафарна и, вполне возможно, «дружелюбия» других более мелких вождей туземных, главным образом сарматских, кочевых орд; и, наконец, — вторую половину II в. до н.э., охватывающую годы контроля и внеэкономической эксплуатации Ольвии правителем позднескифского государства в Крыму — Скилуrom. При этом, как очевидно даже в первом приближении, каждый из выделенных периодов «варварского протектората» получил в работе Ю.Г.Виноградова почти исчерпывающую на сегодняшний день и, за некоторым исключением, вполне сбалансированную характеристику (см. также: Марченко 1993).

Вместе с тем, оценивая работу Ю.Г.Виноградова в целом как несомненно крупный вклад в дело создания исторически полнокровной и внутренне непротиворечивой модели взаимоотношений колонистов северо-западной части Понта с аборигенным миром Причерноморья, необходимо подчеркнуть, что основная задача, стоявшая перед ее автором, была изначально ограничена все же изучением лишь одного — политического аспекта этих взаимоотношений и что, следовательно, целый спектр вопросов этнокультурной, демографической, да и экономической сторон их истории, к сожалению, остался за пределами поля зрения ученого и, таким образом, все еще во многом ожидает своего разрешения. Более того, продолжают ожидать своего разрешения и отдельные вопросы политической сферы отношений греков и варваров Северо-Западного Причерноморья, по тем или иным причинам также не получившие своего освещения в рассматриваемой работе.

В этой связи, кстати сказать, нельзя не отметить и некоторую ограниченность или, точнее, негибкость самого метода исследователя, отдающего во всех случаях без каких-либо колебаний и сомнений «приоритет перед остальными документами эпиграфическим» (Виноградов 1989: 4-5), поскольку, как известно из практики антиковедения, при разработке проблемы гре-

ко-варварских контактов ведущим типом источников обычно являются все-таки археологические материалы (см., например; Vallet 1973: 64). Неукоснительное соблюдение указанной ранжировки документов, продиктованное, скорее всего, чересчур уж скептическим отношением автора к фактам «молчаливой» археологии, не позволило ему в полной мере использовать информационные возможности последних и в итоге негативно отразилось на отдельных результатах работы. Не случайно поэтому, быть может, «Политическая история Ольвийского полиса» и обнаруживает в себе наиболее обширные и крайне досадные пробелы как раз на уровне истории отношений ольвиополитов с аборигенным населением, охватывающие порой довольно значительные отрезки времени функционирования этого государства, например, практически весь IV и первую половину III вв. до н.э.

Впрочем, указанное замечание в адрес методической установки исследователя ни в коей мере не бросает тень на основное содержание упомянутой выше картины зависимости — идею «варварского протектората». Встреченная часть специалистов в момент своего зарождения с известной долей настороженности и даже неприятия, эта идея по мере своего совершенствования по праву начинает получать все большее признание и поддержку со стороны научной общности.

В заключение сказанного остается лишь добавить, что солидным подспорьем успешного формирования системы представлений о «протекторате» стали в первую очередь, несомненно, научные изыскания, проведенные в области развития монетного дела греческих центров Северного Причерноморья крупнейшим украинским нумизматом и знатоком античной истории П.О.Карышковским (см., например: Карышковский 1984; 1987).

В числе иных, к сожалению, крайне немногочисленных попыток предметного анализа отдельных событий военно-политической истории контактов греков с туземным населением Понта особо следует выделить работу А.Н.Щеглова, которому в условиях развернувшейся ныне в археологии радикальной ревизии причин, вызвавших закат «Великой Скифии», удалось, как кажется, вполне надежно подтвердить большую часть ранее установленных фактов хронологии, характера и наиболее существенных последствий нападения первых сарматских кочевых орд на эллинские колонии Северного Причерноморья (Щеглов 1985: 190-195; ср.: Виноградов, Марченко, Рогов 1997).

Четвертым и, пожалуй, последним из важнейших аспектов исследований в области греко-варварских отношений настоящего времени стала разработка принципиально новой периодизации истории Северного Причерноморья скифской эпохи (Виноградов, Марченко 1991; Марченко 1991; см. также: Алексеев 1992.). Сра-

зу же следует подчеркнуть, что само по себе создание указанной периодизации оказалось возможным только на основе последних впечатляющих достижений античной и скифо-сарматской археологии: массовых раскопок скифских курганных некрополей степной зоны, существенного сужения датировок целого ряда опорных памятников VIII-III вв. до н.э., но прежде всего — результатов широких исследований хоры античных государств. Создание небывало обширной базы археологических данных и наблюдений позволило, наконец, вплотную подойти и к осознанию единства и одновременно цикличности культурно-исторического развития Северного Причерноморья скифской эпохи в целом. Отныне этот регион вновь стал рассматриваться в виде своеобразной, динамично менявшейся во времени системы отношений, связей и взаимодействий по меньшей мере сразу трех различных по своему происхождению компонентов населения: кочевых сообществ степей, эллинских государств и оседлых и полуседлых потестарных образований лесостепной зоны (ср.: Ростовцев 1918: 6-7). Именно при таком подходе к историческому процессу в этой части античного «пограничья» впервые стало возможным создание и достаточно подробной хронологической схемы контактов, включившей в себя, по меньшей мере, шесть отдельных периодов: 1. Раннескифский период, связанный с появлением нескольких групп кочевников: середина VIII — середина VII вв. до н.э.; 2. Конец VII — первая четверть V вв. до н.э.: период стабильных отношений в регионе; 3. Конец первой четверти V в. до н.э. — последняя треть этого же столетия: период дестабилизации; 4. Последняя четверть V — рубеж IV-III вв. до н.э.: период расцвета; 5. Рубеж IV-III — первая треть III вв. до н.э.; период дестабилизации, исчезновения «Великой Скифии», появления сарматов; 6. Вторая половина-конец III — первая половина II вв. до н.э.: период очередной относительной стабилизации и образования «Малых Скифий».

На этом, собственно говоря, и можно завершить рассмотрение важнейших аспектов и результатов изучения проблемы греко-варварских

взаимодействий в интересующем нас районе античного «пограничья». В резюмирующей части краткого экскурса в историографию мне остается лишь еще раз констатировать отсутствие на сегодняшний день сколь-либо целостной и в своих основных частях согласованной во времени и пространстве картины отношений эллинских центров Северного Причерноморья скифской эпохи с окружавшим их туземным миром. Несмотря на большой и довольно напряженный путь исканий, которым шли исследователи к созданию общей концепции таких отношений, несмотря на очевидные достижения в деле решения целого ряда сложнейших вопросов, особенно в области экономических и политических контактов, несмотря, наконец, на появление в последний период в распоряжении антиковедов новых обширных и разнообразных археологических материалов из самих греческих центров и, что важнее, из контактных зон этого региона, — несмотря на все это, специалисты все еще вынуждены довольствоваться по большей части более или менее удачными набросками отдельных, хотя подчас и довольно значительных, сюжетов.

Наиболее существенным препятствием на пути разрешения создавшейся ситуации в настоящее время является, по всей видимости, наличие в среде ученых принципиальных разногласий в оценке роли, характера и масштабов участия варварского хинтерланда в формировании культурной, социальной и демографической сфер жизнедеятельности эллинских апокрий, что, в свою очередь, в конечном счете обусловлено отсутствием единого подхода к самой концепции отношений. Таким образом, можно думать, что основная причина указанных разногласий находится за пределами непосредственного восприятия интерпретационных возможностей собственно источниковедческой базы. Ее корни уходят глубже и должны быть связаны, прежде всего, с фатальным несовершенством исходных теоретических установок и только как следствие — методическим обеспечением конкретно-исторических разработок чисто археологических фактов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю. 1992. Скифская хроника. СПб.
 Андрух С.А. 1995. Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н.э. Запорожье.
 Арсеньев Т.М. 1970. Лепная керамика Танаиса как источник для этнической истории Нижнего Дона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
 Артамонова О.А. 1940. Древнейшее поселение на острове Березань // КСИИМК — V.
 Білецький А.О. 1957. Про власні імена з ольвійських написів // Археологія — XI.
 Белецкий А.А. 1958. О собственных именах в вновь найденных ольвийских надписях // СА — XXVIII.
 Белов Г.Д. 1938. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935-36 гг. Гос. изд-во Крымской АССР.
 Блаватский В.Д. 1950 а. Рец. на кн.: Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л.: Изд-во ЛГУ. 1949 // ВДИ — 3.
 Блаватский В.Д. 1950 б. Античная культура в Северном Причерноморье // КСИИМК — XXXV.
 Блаватский В.Д. 1953. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.
 Блаватский В.Д. 1954 а. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья // СА — XX.
 Блаватский В.Д. 1954 б. Архаический Боспор // МИА — 33.
 Блаватский В.Д. 1955. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями // СА — XXIV.

- Блаватский В.Д. 1959. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.
- Блаватский В.Д. 1964 а. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII-V вв. до н.э.) // СА — 2.
- Блаватский В.Д. 1964 б. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV-III вв. до н.э.) // СА — 4.
- Блаватский В.Д. 1964 в. Пантикапей. М.
- Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А., Кругликова И.Т. 1979. Полис и миграции греков // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.
- Болтенко М.Ф. 1930. До питання про час виникнення та назву давньої йонійської оселі над Бористеном // Віс.ОКК. — 4-5.
- Болтенко М.Ф. 1960 а. Herodoteanes // МАСП — 3.
- Болтенко М.Ф. 1960 б. Исторические судьбы острова Березань // ЗОАО — 1 (34).
- Болтенко М.Ф., Головки И.Д., Гудимович Ф.М. 1959. Рец. на кн.: Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. МИА. 1956. № 50 // ПОДУ — 149. Вип.7.
- Бондарь Н.Н. 1955. Торговые отношения Ольвии со Скифией в VI-V вв. до н.э. // СА -XXIII.
- Брашинский И.Б., Щеглов А.Н. 1979. Некоторые проблемы греческой колонизации // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.
- Бруяко И.В. 1993 а. Демография и экономика населения Северо-Западного Причерноморья во второй половине VII-начале III вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Бруяко И.В. 1993 б. Лепная керамика греческого Никония // Древности Причерноморских степей. Киев.
- Вахтина М.Ю. 1984. Греко-варварские контакты VII-VI вв. до н.э. по материалам степной и лесостепной зон Северо-Западного Причерноморья и Крыма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Виноградов Ю.А. 1990. Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI-III вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА — 1.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. 1997. Сарматы и гибель «Великой» Скифии // ВДИ — 3.
- Виноградов Ю.Г. 1980. Перстень царя Скила. Политическая и династическая история скифов первой половины V в. до н.э. // СА — 3.
- Виноградов Ю.Г. 1981. Варвары в просопографии Ольвии в VI-V вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси.
- Виноградов Ю.Г. 1983. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М.
- Виноградов Ю.Г. 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.
- Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.-Л.
- Гайдукевич В.Ф. 1955. История античных государств Северного Причерноморья // АГСП. М.-Л.
- Гайдукевич В.Ф. 1959. Боспор и скифы // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.
- Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И. 1951. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА — XV.
- Голубцова Е.С., Кошеленко Г.А. 1980. Взаимодействие греческого и местного элементов в Причерноморье // XV МКИН. М.
- Граков Б.Н. 1947 а. Термин «Σκῆραι» и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК — XVI.
- Граков Б.Н. 1947 б. Чи мала Ольвия торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? // Археологія — 1.
- Граков Б.Н. 1947 в. Скифи. Київ.
- Граков Б.Н. 1954. Каменское городище на Днепре // МИА — 36.
- Граков Б.Н. 1959. Греческое граффито из Немировского городища // СА — 1.
- Доманский Я.В. 1955. Нижнее Побужье в VII-V вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Доманский Я.В. 1961. Из истории населения Нижнего Побужья в VII-V вв. до н.э. // АСГЭ — 2.
- Доманский Я.В. 1965. О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья // АСГЭ — 7.
- Доманский Я.В. 1970. Заметки о характере торговых связей городов с туземным миром Северного Причерноморья в VII в. до н.э. // АСГЭ — 12.
- Доманский Я.В. 1972. О характере ранних миграционных движений в античном мире // АСГЭ — 14.
- Доманский Я.В. 1979. О характере греческой колонизации и послекolonизационном периоде в Северном Причерноморье // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.
- Доманский Я.В. 1981. Ольвия и варвары в V в. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси.
- Доманский Я.В. 1985. Ольвия и Скифия в раннеэллинистическое время // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси.
- Жебелев С.А. Счастливые города // ИГАИМК — 100.
- Жебелев С.А. 1953. Северное Причерноморье. М.-Л.
- Зуц В.Л. 1965. До питання про утворення Ольвійської держави // Археологія — XIX.
- Иессен А.А. 1947. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л.
- Каллистов Д.П. 1949. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л.
- Каллистов Д.П. 1952. Северное Причерноморье в античную эпоху. М.
- Капошина С.И. 1933. Оборонительные сооружения Ольвии как исторический источник // ИГАИМК — 100.
- Капошина С.И. 1937. Проблема состава населения Ольвии по материалам архаического некрополя: Тез. канд. дис. Л.
- Капошина С.И. 1941. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса // СА -VII.
- Капошина С.И. 1946. Пленум ЛОИИМК, посвященный Северному Причерноморью // ВДИ — 3.
- Капошина С.И. 1950 а. Памятники звериного стиля из Ольвии // КСИИМК — XXXIV.
- Капошина С.И. 1950 б. Погребения скифского типа из Ольвии // СА — XIII.
- Капошина С.И. 1956 а. О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА — 50.
- Капошина С.И. 1956 б. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА — 50.
- Капошина С.И. 1959. Ранние этапы греческой колонизации Нижнего Побужья // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.

- Карышковский П.О. 1984. Новые материалы о монетах Эминака // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Карышковский П.О. 1987. Монеты скифского царя Скила // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. семинара — Ч.1. Кировоград.
- Кастанаян Е.Г. 1981. Лепная керамика Боспорских городов. Л.
- Книпович Т.Н. 1934. К вопросу о торговых отношениях греков с областью реки Танаис в VII-V вв. до н.э. // ИГАИМК — 104.
- Книпович Т.Н. 1940 а. Керамика местного производства из раскопа «И» // Ольвия — Т.1. Киев.
- Книпович Т.Н. 1940 б. Некрополь северо-западной части Ольвийского городища // СА -VI.
- Книпович Т.Н. 1955. Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху // АГСП.
- Книпович Т.Н. 1956. Население Ольвии в VII вв. до н.э. по данным эпиграфических источников // МИА — 50.
- Козловская В.И. 1984. Греческая колонизация Западного Средиземноморья в современной зарубежной историографии. М.
- Козуб Ю.И. 1960. Погребальный обряд ольвийского некрополя V-IV вв. до н.э. // ЗОАО — 1 (34).
- Козуб Ю.И. 1962. Поховальні споруди ольвійського некрополя V-IV ст. до н.э. // АП УРСР — XI.
- Копейкина Л.В. 1981. Элементы местного характера в культуре Березанского поселения архаического периода // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси.
- Крижицкий С.Д., Буйских С.Б. 1988. Структура архаического поселения Нижнего Побужья // Археология — 63.
- Крижицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.
- Крижицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М., Рубан В.В. 1980. К истории Ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев.
- Крижицкий С.Д., Отрешко В.М. 1986. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. Киев.
- Кругликова И.Т. 1954. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА — 33.
- Кругликова И.Т. 1959. Сельская территория Боспора // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.
- Кругликова И.Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.
- Лапин В.В. 1963. Экономическая характеристика Березанского поселения // Античный город. М.
- Лапин В.В. 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев.
- Лапин В.В. 1975. Проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. юбил. конф. Киев.
- Лапин В.В. 1988. Березань и проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации. Киев. // Научный архив ИА АН Украины. ф.24. № 1.
- Лаппо-Данилевский А.С. 1887. Скифские древности // ЗОРСО — IV.
- Латышев В.В. 1887. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб.
- Лейпунская Н.А. 1979. О роли торгово-ремесленных отношений в экономике Ольвии второй половины VI в. до н.э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.
- Лейпунская Н.А. 1981. Экономические основы взаимоотношений Ольвии с местными племенами Северного Причерноморья // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси.
- Ленцман Я.А. 1952. Сессия Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР по истории Крыма // ВДИ — 4.
- Март Н.Я. 1925. Ольвия и Альба Лонга // Изв. АН СССР.
- Март Н.Я. 1926. Лингвистически намечаемые эпохи развития человека и их увязка с историей материальной культуры // СГАИМК — 1.
- Март Н.Я. 1933. Избранные работы. Т.1. М.-Л.
- Март Н.Я. 1934. Избранные работы. Т.3. М.-Л.
- Март Н.Я. 1935. Избранные работы. Т.5. М.
- Марченко К.К. 1988. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII-первой половине I вв. до н.э. Л.
- Марченко К.К. 1991. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII-I вв. до н.э. (Проблемы, контакты, взаимодействия): Автореф. дис. ... док. ист. наук. Л.
- Маслеников А.А. 1981. Население Боспорского государства в VII-II вв. до н.э. М.
- Маслеников А.А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.
- Мелюкова А.И. 1979. Скифия и фракийский мир. М.
- Нудельман Д.И. 1946. Древнегреческое поселение в Северном Причерноморье // Уч. зап. МГПИ — XXXVII. Вып.3.
- Онайко Н.А. 1960. Античный импорт на территории Среднего Поднепровья (VII-V вв. до н.э.) // СА — 2.
- Онайко Н.А. 1966. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V вв. до н.э. // САИ — Д1-27.
- Онайко Н.А. 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV-II вв. до н.э. // САИ — Д1-27.
- Островерхов А.С. 1978. Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII-середина V вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Островерхов А.С. 1980. Этапы и характер греко-скифских экономических связей в Поднепровье и Побужье // Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. Киев.
- Островерхов А.С. 1981. Ольвия и торговые пути Скифии // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Отрешко В.М. 1981. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // СА — 1.
- Отрешко В.М. 1990. Ольвийская хора VI-V вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Охотников С.Б. 1984. О характере греко-варварских взаимоотношений в Нижнем Поднепровье в VI-V вв. до н.э. // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Охотников С.Б. 1987. Сельские поселения Нижнего Поднепровья в VI-V вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Охотников С.Б. 1990. Нижнее Поднепровье в VI-V вв. до н.э. Киев.
- Прушевская Е.О. 1955. Художественная обработка металла (торевтика) // АГСП. М.-Л.
- Пятышева Н.В. 1959. Рец. на кн.: Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. МИА. 1956. № 50. //

- СА — 3.
- Ростовцев М.И. 1912. Боспорское царство и южно-русские курганы // ВЕ.
- Ростовцев М.И. 1913. Рец. на кн.: Ellis H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge. 1913. // ЖМНП.
- Ростовцев М.И. 1918. Эллинство и иранство на юге России. Пг.
- Ростовцев М.И. 1925. Скифия и Боспор. Л.
- Русяева А.С., Скржинская М.В. 1979. Ольвийский полис и каллипиды // ВДИ — 4.
- Скудная В.М. 1954. Скифские памятники из Нимфея // СА — XXI.
- Скудная В.М. 1960. Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии // ЗОАО — 1 (34).
- Скудная В.М. 1962. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // ТГЭ — III.
- Славин Л.М. 1938. Ольвия. Киев.
- Славин Л.М. 1954. До питання про ольвійсько-скіфські відносини // ІЗКДУ — 13. Вып.10. № 5.
- Славин Л.М. 1956. Древньогрецьке поселення на острові Березань // ІЗКДУ — 16. Вып.6. № 7.
- Славин Л.М. 1959. Периодизация исторического развития Ольвии // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.
- Сокольский Н.И. 1961 а. Взаимоотношения античных государств и племен Северного Причерноморья // DAWSA -23.
- Сокольский Н.И. 1961 б. Античный город // ВДИ — 2.
- Сокольский Н.И., Шелов Д.Б. 1959. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.
- Соловьев С.Л. 1989. Строительные комплексы архаической Березани (анализ архитектурно-строительных традиций): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Соловьев С.Л. 1995 а. Новые данные о типологии жилищ Березанского поселения в классическую эпоху // РА — 1.
- Соловьев С.Л. 1995 б. Лепная керамика с резным геометрическим орнаментом Березанского поселения // АСГЭ — 32.
- Тереножкин А.И. 1965. Основы хронологии предскифского периода // СА — 2.
- Толстиков В.П. 1984. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI-первой половине V в. до н.э.) // ВДИ — 3.
- Фармаковский Б.В. 1914. Архаический период в России // МАР. Пг.
- Фурманская А.И. 1953. Меднолитейное ремесло в Ольвии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Фурманська А.І. 1963. Бронзоліварне ремесло в Ольвії // Археологія — XV.
- Шафранская Н.В. 1951. К вопросу о кризисе Ольвии в III в. до н.э. // ВДИ — 3.
- Шафранская Н.В. 1956. О миксэллинах // ВДИ — 3.
- Шелов Д.Б. 1950. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье // КСИИМК — 34.
- Шелов Д.Б. 1956. Античный мир в Северном Причерноморье. М.
- Шелов Д.Б. 1967. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. М.
- Шелов-Коведяев Ф.В. 1985. История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М.
- Штительман Ф.М. 1954. Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII-II вв. до н.э. // КСИА — 3.
- Штительман Ф.М. 1956. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана // МИА — 50.
- Штерн Э.Р. 1900. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации // ЗООИД — XXII.
- Щеглов А.Н. 1985. О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси.
- Щеглов А.Н. 1990. Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII-V вв. до н.э. Письменные источники и археология // Причерноморье в VII-V вв. до н.э. Письменные источники и археология. Тбилиси.
- Юргевич В.Н. 1872. О именах иностранных на надписях Ольвии, Боспора и других греческих городов Северного побережья Понта Евксинского // ЗООИД — VIII.
- Яйленко В.П. 1983. Архаическая Греция // Античная Греция — Т.1. М.
- Яйленко В.П. 1990. Архаическая Греция и Ближний Восток. М.
- Яковенко Э.В. 1985. Скифы на Боспоре: Автореф. дис. ... док. ист. наук. М.
- Burchner L. 1885. Die Besiedlung der Kusten des Pontes Euxeinis durch die Milesier. Kemton.
- Lepore E. 1968 (1970). Per una fenomenologia storica del rapporto citta-territorio in Magna Grecia // La citta e il suo territorio. Napoli.
- Minns E.H. 1913. Scythians and Greeks. Cambridge.
- Neuman K. 1855. Die Hellenen im Skythenlande — 1. Berlin.
- Rostovzew M. 1993. Skythien und der Bosphorus — II. Stuttgart.
- Vallet G. 1973. La colonisation grecque en Occident // Докл. XIII МКИИ 1 — 3.
- Vinogradov Y.G. Pontische Studien. Mainz.